

Мне уже не раз случалось на различных обсуждениях и научных семинарах высказываться в поддержку того принципиального положения, что истоки социальной организации ранних человеческих коллективов следует искать в специфике организации сообщества приматов. Не считая свои чисто умозрительные соображения по этому поводу готовыми для печати, я до сих пор воздерживался от их публикации, однако коль скоро мои высказывания были упомянуты в опубликованной выше статье, мне представляется нужным разъяснить их здесь несколько подробнее.

Эти соображения имеют своей отправной точкой гипотезу о гаремном характере «семей» у австралопитековых предков человека. Гаремные «семьи» типа известных для гамадрилов, равно как и парные, подобные встречающимся у гиббонов, действительно не типичны для большинства видов обезьян. Но дело в том, что предковые для человека виды и не могли быть типичными обезьянами — в противном случае они и не стали бы людьми. Для древнейшего же человеческого общества характерна преобладающая тенденция к парным формам семьи, при чрезвычайно широком, почти повсеместном параллельном распространении полигамных, «гаремных» форм и крайне редких случаях полиандрии.

Л. А. Файнберг признает, что в экстремальных и вообще в экологически скудных условиях у видов с обычно гибкой структурой стада возникают гаремные «семьи». Именно социальная специализация в ухудшившихся условиях и могла стать в ходе адаптации к ним предпосылкой гоминизации австралопитеков. Кстати, предположение о довольно значительном половом диморфизме в размерах самцов и самок австралопитеков вовсе не противоречит палеонтологическим данным. Поэтому вряд ли следует столь решительно, как это делает Л. А. Файнберг, отвергать правомерность мнения Дж. Гартлана и К. Брейна. Лесные и лесостепные ландшафты же, изобилующие пищей, подобно обиталищам бабуинов в Уганде, никак не могли стимулировать решающие адаптационные сдвиги, которые привели к началу гоминизации.

Излагаемая ниже гипотеза о характере обезьяньего стада, в котором происходило становление человеческих социальных отношений, отчасти соприкасается с хорошо известной гипотезой Дарвина — Аткинсона. К сожалению, последняя была изрядно скомпрометирована в науке той произвольной трактовкой, какую придал ей З. Фрейд, создавший в своем труде «Тотем и табу» миф об убийстве первобытного отца-вожака его подростками сыновьями, откуда и выводился механизм возникновения эдипова комплекса. В действительности же, как правильно отмечает Л. А. Файнберг, схватки между самцами приматов из-за самок и редки и малокровопролитны. Разумеется, при гаремной структуре стада, состоящего из самца, нескольких самок и их детенышей (причем взрослеющие самцы покидают стада и образуют либо так называемые «клубы холостяков», либо пополняют контингент бродячих самцов-одиночек), постаревший и ослабевший самец-вожак замещается приходящим со стороны самцом, однако его не убивают, а лишь изгоняют. Кроме того, таким соперником скорее всего должен быть не сын данного самца, а индивид, родившийся в ином стаде. Во-первых, чисто статистически возможность того, что в данное стадо из большого числа холостяков вернется именно самец, родившийся в нем, невелика. Во-вторых, молодое животное вряд ли будет стремиться примкнуть к тому стаду, из которого в юности было изгнано. В-третьих, безусловно, важную роль играет преобладающее уклонение от половых сношений между братьями и сестрами, сыновьями и матерями. С переходом от обезьяньего ста-

да к примитивному человеческому сообществу происходит институционализация этого сложившегося в биологических рамках порядка. Однако одного его недостаточно для объяснения возникновения экзогамного рода из стада с такой структурой. Только из гаремного стада, откуда подростки молодые самцы изгоняются, логически легко может быть выведен переход к экзогамии материнских коллективов. Здесь стабильной единицей является сообщество женщин, связанное генетической преемственностью (единством происхождения); родившиеся в коллективе мужчины покидают его с достижением взрослого возраста, а в качестве половых партнеров выступают мужчины, родившиеся вне данного стада.

По мере того как экология обезьянолюдей принимала все более специфичный для людей характер, с развитием коллективных приемов охоты, параллельно с укрупнением стадных коллективов тенденции к гаремности в семейной структуре должны были ослабевать, так как коллектив в целом, и прежде всего женщины как его стержневая часть, были заинтересованы в возможно большем числе охотников в стаде, в образовании парных, а не полигамных сочетаний. Эти сочетания, не будучи еще семьями в полном смысле слова, очевидно, могли и распадаться и перекombинировываться. Таким образом, внутри стада могли иметь место и элементы ограниченного промискуитета, и сопернические стычки, но вряд ли они могли нарушить принцип, сформировавшийся еще в малом гаремном стаде: родственные отношения, цементирующие стадо, были отношениями между женщинами и их детьми, половые партнеры брались из других стад.

Конкретная хронологическая привязка изложенных процессов, разумеется, также чисто гипотетическая, рисуется следующим образом: гаремные стада и «клубы холостяков» — формы организации антропоидных обезьян, предковых для человека, в период перехода к открытым ландшафтам. Слияние малых стад в большие, размывание и исчезновение клубов холостяков, перерастание биологических отношений в социальные нормы и их хотя бы смутное осознание скорее всего связаны с эволюцией предлюдей, т. е. наиболее развитых австралопитеков, к уровню архантропов. Что касается абсолютных размеров этих объединений, то, анализируя данные о численности как стад приматов (которые все, кроме гориллы, уступают человеку по размерам тела), так и коллективов первобытных собирателей и охотников, можно прийти к выводу, что малое гаремное стадо могло состоять из самца и нескольких самок с детьми, т. е. не более полутора десятков особей, большое же стадо архантропов, даже при самых благоприятных условиях, вряд ли могло насчитывать более 50 особей.

С. А. Арутюнов

О ФОРМАХ ПОЛОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЕЗЬЯН

Наука о поведении животных, сменившая лабораторную зоопсихологию, располагает уже точными приемами исследования. Наблюдатель, расположенный в незаметном для животных укрытии, при помощи сильных подзорных труб и фотосъемки различает и регистрирует все акты поведения животных, взаимоотношения между ними, состав пищи, маршруты передвижения, их длительность. У крупных копытных и хищных животных применяют в подходящих условиях индивидуальную маркировку: стреляют в одну или две отделившиеся особи безвредной капсулой с усыпляющим раствором, а затем производят необходимые на-